

**СИБИРСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
И ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Астерион
Санкт-Петербург
2007

Сборник статей

**Сибирская ментальность и
проблемы социокультурного
развития региона**

«Астерион»

2006

Сборник статей

Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона / Сборник статей — «Астерион», 2006

ISBN 978-5-94856-327-5

В сборник включены материалы конференции, которая прошла в июле 2006 г. в Улан-Удэ в рамках реализации исследовательского проекта «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона» (№ 05-03-03380а), поддержанного РГНФ. Он является продолжением предыдущих изданий: «Проблемы сибирской ментальности (СПб., 2004)», «Культура и менталитет населения Сибири (СПб., 2003)». В статьях освещаются как методологические проблемы территориальной ментальности, так и актуальные вопросы населения Сибири как особого регионального сообщества, состоящего из многочисленных народов и культур. В статьях проводится мысль, что развитие территории во многом зависит от возрождения и нового этапа конструирования «сибирства» и его активным проявлением в условиях гражданского общества. Для социологов, социальных антропологов, историков и политологов.

ISBN 978-5-94856-327-5

© Сборник статей, 2006

© Астерион, 2006

Содержание

Предисловие	5
А. О. Бороноев	7
В. Л. Кургузов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона

Предисловие

Настоящий сборник составлен на основе материалов конференции «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона» (5–7.07.2006), которая была организована в рамках реализации одноименного проекта (№ 05-03-03380а), поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

В работе конференции приняли участие свыше ста ученых из различных областей и республик Сибири и других регионов страны¹. Проявленный интерес к конференции связан с темой обсуждения, которая чрезвычайно актуальна. Происходящие реформы в стране, наряду с положительными моментами, создали массу социальных проблем. Одной из них является состояние отдаленных территорий, их инфраструктуры, качества жизни населения. Особенно проблемными оказались огромные пространства Сибири. За период реформ эта территория фактически потеряла социальную и производственную инфраструктуру и стала в основном депрессивной. Это влияет на состояние умонастроений, на ценностные ориентации населения. В результате разрушаются ментальность как фактор адаптации населения к среде местообитания, становится трудным ответить на вопросы «Кто мы», «Кто я такой» и выразить свое отношение к происходящему, следовательно, свою активность, что является основой гражданского общества.

Разрушение сибирской ментальности, потеря ее черт в настоящее время проявляется повсюду. Теряется представление «кто мы», понимание достоинства, гордости, предпочтительность жизни на этой территории и сходят на нет духовные и общинные традиции, которые скрепляли сибиряков независимо от социальных различий, в том числе и этнических. Ярким проявлением эрозии ментальной структуры сознания является миграция населения, которая характеризует состояние неопределенности жителей, потерю жизненных стимулов и снижение адаптационной активности.

В этих условиях чрезвычайно важно изучение духовного состояния регионального сообщества (сибиряков), чтобы способствовать поискам новых социальных и культурных ориентаций, путей построения гражданского общества на основе традиций сибирского мировоззрения и образа жизни. Нет сомнения в том, что развитие Сибири: ее экономики, культуры, демографии во много зависит от возрождения и функционирования элементов сибирской ментальности, как фактора адаптации населения, его социального характера, активности и ценностного самоопределения (осознанного и неосознанного). Желание понять жизненные ориентации, традиции населения Сибири, его ментальности, есть, по существу, поиск путей развития территории, ее жизненных перспектив.

Ясно, что эффективное развитие экономики и культуры Сибири возможно только при той ситуации, когда ее население будет адекватно воспринимать себя, знать свои интересы и защищать их. Без этого действительно будет необходим «вахтовый метод» разработки ее недр, о чем часто говорят в последнее время.

Понимание себя сибиряками как регионально-территориального сообщества, осознание своих ценностей, сложившихся традиционных форм культуры и представлений о мироздании есть форма защиты себя от тех, кто не принимает в расчет их интересы. Это основа формирования государственной политики в отношении к территории и судьбе ее населения, которое

¹ Подробно информацию см. «Социс», № 3, 2007.

состоялось в течение многих столетий в суровых условиях климата, огромных пространств и взаимодействия различных культур.

Сибиряки должны четко представлять, как пишет ученый и общественный деятель Аляски У. Дж. Хикл, что «Именно в Сибири будущее России, и именно в Сибири ожидает своего будущего открытия значительная часть природных ресурсов мира, богатство, которое поможет удовлетворить потребности будущих поколений»². Эти богатства должны в первую очередь служить местному населению, объединенному осознанием своих коллективных, общих интересов и ценностей и определять их достоинство и будущие перспективы. Конструирование и функционирование ментальных структур сибирства важный фактор объединения населения территории, превращения его в субъект социально-экономических, духовных отношений для решения многих проблем, о которых говорится в книге.

Эти и многие другие проблемы звучали на конференции и представлены в статьях.

Материалы сборника можно разделить на два раздела. В первом разделе обсуждаются общеметодологические вопросы, уточняются основные понятия, социально-философские основания их конструирования. Во втором разделе – конкретные социальные проблемы Сибири, их взаимодействие с ментальностью, с ментальной картиной мира сибиряков. Статьи этого раздела имеют достаточную эмпирическую базу, в них проявляются различные методологические подходы, что определяет их дискуссионность и научную ценность.

Надеюсь, что представленный сборник вызовет интерес у заинтересованного читателя и послужит дальнейшему обсуждению места и роли территориальных сообществ, их культуры и ментальности в развитии регионов.

В заключение хочу поблагодарить за активную поддержку конференции Правительство республики Бурятия, ее президента Л. Потапова, ректоров Бурятского и Восточно-Сибирского технологического университетов проф. В. Калмыкова и проф. В. Сактоева.

Особая благодарность профессору, заведующему кафедрой социологии Восточно-сибирского технологического университета Ц. Ц. Чойропову, его коллегам, которые взяли на себя организацию конференции и подготовку издания тезисов докладов.

А. О. Боронев

² Хикл У. Дж. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможность для России? М. 2004, с. 28.

А. О. Боронев

Территориальная ментальность и проблемы социокультурного развития региона³

С середины XX века проблема ментальности, благодаря усилиям французской школы социальной истории, стала важным концептом социально-гуманитарной науки. Подчеркивая это, культуролог А. Флиер пишет: «Одной из немногих понятийных новаций гуманитарного знания, появившихся и завоевавших общее признание в XX веке, стала именно категория ментальности, тесно связанная со всем набором человеческих проявлений и мироощущений...» (1). Проблема ментальности широко представлена и в социальных науках, ввиду того, что в структуру этих наук, в частности, социологии входят факторы субъективности, культурных представлений, символические структуры коллективного и индивидуального опыта, которые определяют специфику поведения людей и социальных общностей и групп в конкретных условиях жизнедеятельности. Обращение к ментальности есть облечение структурных, экономических и других факторов социальности переживаниями, представлениями, ценностно-эмоциональными восприятиями, «чувством жизни» (Л. Февр), что способствует системному пониманию жизненных процессов. Поэтому изучение ментальных структур на различных уровнях социальных образований и индивидов является углублением возможностей современного социогуманитарного знания.

Ж. Дюби, один из пионеров исследования ментальности, определяя это понятие писал, «... что это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, – но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире, и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» (2). В ментальную систему, если конкретизировать определение Ж. Дюби, входят определенные образы мышления, коллективные представления, включающие архетипы социокультурной памяти, символы, ценности, традиции (установки) и чувства, сформировавшиеся в определенных условиях природной и социальной среды. Многие исследователи отмечают в ментальности два уровня – уровень бессознательного и рационально-эмоционального. С этим можно согласиться, только проявление их в реальном поведении, деятельности индивидов и социальных групп может быть сложным.

Ментальность имеет реально-мифическое содержание, поэтому сводить только к фактору реальной истории или воображению (мифу) неверно. Безусловно, в любой ментальности отражаются реальная история (эпоха), различные условия жизни, а также она мифореальна. Последнее не делает ее фантастической или чистым конструктом, ибо, как писал А. Ф. Лосев, сам «миф трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни, и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность» (3). Сложившаяся ментальная структура, как определенный конструкт, умонастроение активно проявляется в поведении, в восприятии окружающего, в ценностных ориентациях, установках, в нравственных критериях взаимодействия в повседневной жизни, имеющих осознанный и неосознанный характер. Ментальность выступает в определенной мере, как фрейм, предвосхищающая схема, сценарий или как контекст значений поведения индивидов, группы или общности (4). Логика фрейма,

³ Статья подготовлена при поддержке проекта РГНФ № 05-03-03380а.

представленная И. Гофманом позволяет конкретизировать сущность и проявления ментальных структур как на индивидуальных социальных нормах и порядках повседневного взаимодействия.

Среди видов ментальных образований особое место занимают территориально-географические формы, характеризующие население определенных регионов, территорий. В них проявляются модальные черты населения – представления, символы, ценности, установки, родовые предрасположенности (архетипы), традиции; в целом социально-нравственные смыслы населения территории, их умонастроения, которые создают определенные стили, схемы отношения и понимания и структуры поведения.

Анализ специфики менталитета населения по территориальному признаку, его хозяйственной деятельности, духовных черт особенно важно для таких стран как Россия, которая составляет сложный пространственный организм, что нельзя рассматривать как монообъект. Россия, многорегиональный организм, в том числе и в территориальном плане. Мы можем четко выделить такие территориальные регионы как Поволжье, Урал, Север, Центр, Северный Кавказ, Дальний Восток, Сибирь и т. д. На этих территориях существуют различные административные субъекты (областные, городские, этногосударственные) не разрушая некоторой территориальной общности населения. Поэтому необходимо различать понятия региональные образования и территориальные образования поселения. Первые, как правило, характеризуют население поселенчески-административных образований, а вторые – территориальных.

В последние годы территориальный аспект социокультурного, экономического развития становится чрезвычайно важным, что заставляет говорить, например, о Европе регионов, а не государств, выделяя такие территориальные регионы, как Средиземноморье, Скандинавия, Северные страны, Балтия, Восточная Европа, Кавказ и т. д. Широко известны исследования о территориальных особенностях развития отдельных стран, например США (Р. Дж. Хикл), о территориальной организации экономики (А. Гранберг). Уолтер Дж. Хикл, ученый и бывший губернатор Аляски, утверждает, что на этой территории существует региональное сообщество адекватное природной среде и традиционной форме хозяйствования – аляскинцы, со своими ценностными ориентациями и др. своеобразными ментальными элементами. Они поддерживают дух истории, экологического поведения, традиции перед лицом различных вызовов, в том числе эмиграционного (5). Территориальный тип населения, с точки зрения Р. Х. Симонян, составляет определенную целостность, характеризующуюся выработанными веками особыми формами симбиоза с природой, своеобразными хозяйственными и нравственными формами выживания, ментальными структурами, которые делают это население определенной общностью. О роли территориальной ментальности, вмещающей ландшафт, климат, общую судьбу пишут многие.

Сибирь одна из редких, классических в этом плане территорий, что подчеркивает Р. Дж. Хикл, где сложилась своя субкультура и соответственно структура местной ментальности, местного своеобразного умонастроения. Более ста лет тому назад (1888) А. Пыпин писал, что «... Сибирь отличается от России своим гражданским положением, и, кроме того, в своем русском населении представляет этнографический тип, которого опять нельзя отождествлять с господствующим типом русской народности в европейской России» (6). Этому способствовали особые природно-климатические условия жизни, тип хозяйствования, пространственная организация, сложившаяся структура социально-культурных и этнических отношений, отношений с метрополией (Центром). Начало региональной общности сибиряков, такие исследователи населения Сибири, как Н. Ядринцев, Г. Потанин, А. Пыпин и др., видели в конце 17 века, когда стали особенно заметны черты «сибирского патриотизма» (идентичности), особенности образа жизни сибиряков и ментальности.

Безусловно, формированию сибирской ментальности большую роль играли климатические условия региона, огромность и замкнутость Сибири в своих пространствах, что позво-

лило ее населению не чувствовать в полной мере сословных отношений, власти чиновничества, которые мешают демократизму отношений и проявлению самостоятельности. Для развития Сибири с самого начала колонизации была определяющей земско-областная идеология, что определялось вольным характером освоения земель, без поддержки властей, без государственных услуг. Государственно-политическая система отставала от процесса вольного заселения и для нее почти до начала 20 века она оставалась далекой окраиной. Колонизация Сибири осуществлялась в основном людьми, которые бежали от государственной власти, бедности, преследований, и это определило во многом идеологию ее развития. В Сибири изначально наблюдалась вольность, обилие пространства, отсутствие гнета чиновников и дворян, которые в Центральной России, как писал В. Ключевский, отбивали «у простонародья всякую охоту приложить к чему-нибудь руки: угнетение духа, проистекшее от рабства, ... до такой степени омрачило всякий смысл крестьянина, что он перестал понимать собственную пользу и помышляет только о своем ежедневном скудном пропитании» (7). Сложившийся демократизм социальных отношений в Сибири определил многие черты характера населения, а также свою систему взаимоотношения людей. В умонастроении людей сформировались черты независимости, свободы, открытости, стремление к активной деятельности, общению, коллективизму и солидарности.

В становлении элементов сибирской ментальности сыграла большую роль окружающая людей природная среда. Сложности адаптации к климатической и пространственной среде определили многие представления, навыки, ценности и отношения к природным явлениям, от которых часто зависела судьба человека. В результате сформировалось особое экологическое сознание и верования населения, традиции природопользования, пространство жилья. Суровость климата и пространства Сибири научили население ценить общение, взаимопомощь, формировали коллективистские представления, которые стали основой сибирской ментальности. Огромность пространства и ее малая заселенность определяли особое отношение к семье, к родственным отношениям, к детям, что было проявлением народного понимания демографических проблем края, ценность семьи, детей стало одной из важнейших факторов местного менталитета. К сожалению, сегодня теряется ценность семьи, детей в регионах Сибири. Эта же тенденция наблюдается и у аборигенных народов, у которых ценность детей, деторождения была чрезвычайно высокой до последнего времени. Это связано с социально-экономическими факторами, влиянием глобализации, но в большей мере с утратой ориентаций местного менталитета.

Действительно, природная среда, климат, как писал Г. Потанин – один из представителей сибирского областничества, «обуславливает физиономию страны... и, наконец, культуру человека».

Огромную роль в становлении сибирской ментальности сыграли изначально сложившиеся межэтнические отношения толерантности. Это, как мы говорили выше, было заложено самой спецификой колонизации. Вольное освоение территории без государственного сопровождения заставляло переселенцев к общению с аборигенами, взаимодействию с ними в хозяйственных делах и они не чувствовали представителями власти, «высшей расой». Это снижало противостояние культур, конфликты. Колонизация края из-за этого носила не разрушительный характер для местного уклада жизни, а, наоборот, адаптивно-деятельностный, который объединял переселенцев и аборигенов (С. Лурье). Поэтому, между европейцами-переселенцами и местными народами не возникали острых противоречий, барьеров и длительных кровопролитных конфликтов. Если они и возникали, то имели частно-локальный характер. Все это способствовало их взаимопониманию, сближению, обучению друг у друга, формированию общего умонастроения. Известный публицист, патриот Сибири Д. Завалишин писал, что в Сибири «в состав населения входит масса инородцев, не только мало еще подчиняющихся русскому влиянию, но скорее подчиняющихся русским своему...». Приведенное свидетельство говорит

о демократическом, народном характере освоения Сибири, и это определило взаимное доверие и уважение переселенцев и аборигенов друг другу. Этим русская колонизация в корне отличалась от опыта западных народов, которые «осваивали» новые территории огнем и мечом. Примером этого является колонизация Америки. Имея ввиду это, А. Пыпин писал, что «Сибирь, колонизированная только русскими с самого начала, однако, стала приобретать особый склад административной и бытовой, который с течением времени все больше удалялся от обычного хода жизни в метрополии... и стала издавна казаться чем-то отдельным, исключительным, почти чужим, как и в самой Сибири стали складываться новые нравы и развиваться особый «местный патриотизм» (8).

Демократическая колонизация Сибири на основе вольного движения населения из России способствовала смешению русских и местных аборигенов. Это связано, во-первых, с недостатком женщин, т. к. приезжали в новые районы в основном мужчины. В составе переселенцев женщины увеличились с реализацией государственной переселенческой политики в конце 19 века. Анализируя эту ситуацию А. Пыпин утверждал, что «русские поневоле брали женщин из местных инородческих племен». Межэтнические браки способствовали активному смешению народов, взаимопроникновению культур, традиций. Это сопровождалось складыванием особого населения с сибирским характером, менталитетом, физическими и бытовыми чертами на русской племенной основе, которое тот же А. Пыпин назвал «сибирской разнородностью русского народа».

Во-вторых, формированию сибирского типа населения, его менталитета способствовала обоюдная социально-экономическая и культурная ассимиляция. Речь в данном случае идет о социально-трудовом и культурном сближении русских с аборигенами и наоборот. Известный социолог и историк А. П. Щапов в своих работах, исследуя развитие населения Сибири, отмечал два типа ассимиляции – русско-татарский (тюркский) в Западной Сибири, и русско-бурятский в Восточной ее части. Например, об этом процессе в Забайкалье и Прибайкалье он писал, что «занимаясь по примеру бурят больше скотоводством, чем хлебопашеством, русские в умонастроении своем во многих отношениях более походят на бурят, чем на русских, много усвоили бурятских понятий, суеверий, примет и привычек» (9).

Это еще раз характеризует демократизм сложившихся отношений, отсутствие у европейских переселенцев (русских и др.) чувства господства и наличие адаптивно-деятельностного сотрудничества. Для русских и коренных народов региона утвердились формы совместной деятельности по выживанию в суровых климатических и пространственных условиях, обмен трудовым опытом, традициями и как пишет А. П. Щапов общее умонастроение.

Определенную роль в сближении народов играло православие. Крещение представителей коренных народов создавало новый климат духовно-нравственного единения и формирования элементов регионального сибирского менталитета. Крещенные инородцы более активно приобщались к русской культуре, традициям, вступали в межнациональные браки, получали европейское образование.

О названных процессах, А. Щапов в 1872 году писал, что «в Сибири, вследствие скрещивания славяно-русского племени и других разноплеменных выходцев из России с сибирско-азиатскими племенами, мало-помалу, слагается своеобразная однородная масса населения, не удерживающаяся в одинаковой степени признаков ни чисто славянско-русской расы, ни чисто азиатских племен» (10). Этот тип населения региона он называл «русско-сибирским» типом, который обладает региональными физическими и ментальными чертами.

Сибирский менталитет как определенное рационально-эмоциональное умонастроение включает в себя первичное мировоззрение (отношение человек – природа, представление о пространственных и временных отношениях и нормы нравственности), ценностные ориентации и предпочтения, понятие жизненных перспектив и определенный настрой, социальный характер. В нем, другими словами, находит своеобразное сочетание архетипов, ориента-

ций, верований, нравственных и других социальных норм, которые проявляются своеобразно и определяют модальные черты этой территориальной общности, личностные характеристики, поведенческие стили и схемы. В сибирском менталитете проявляется специфическое качество населения, сформировавшегося на этой территории в определенных условиях и социальных отношениях, т. е. «закодированный» опыт жизни, особенности мыслить и чувствовать (М. Блок). В нем, кроме сказанного, проявляется особое сочетание культурных традиций, верований и опыта различных народов. Это фактически наднационально-территориальная форма субъективности, связанная с определенной географо-социальной территорией. Безусловно, было бы неверно утверждать, что на всей территории Сибири существовала и существует единая ментальность. Сибирская ментальность имеет, на наш взгляд, два проявления: это ментальность русских (и других) старожилов и ментальность сибирских аборигенов, которых Ф. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» называл «закоренелыми сибиряками». Эти формы имеют свои особенности. Например, в ментальности коренных народов Сибири преобладают черты этнической принадлежности и традиций. У них историческая территория проживания ставится ниже по значению этнического феномена. У европейцев-старожилов сибирство, привязанность к территории имеет большее значение, чем этническое происхождение. Особо выделяются «новые» поселенцы, о приверженности которых к сибирским традициям, умонастроению, стандартам жизни или о «сибирском патриотизме» пока говорить трудно. Поэтому среди этой категории населения Сибири наблюдается активный отток. Только за последние 10 лет из районов Сибири уехало свыше 1 млн. человек, среди них в основном «новые» поселенцы, у которых не сформировалась сибирская идентичность, как важное проявление ментальности.

Сибирство – это феномен, который определяет специфику отношения к окружающей среде, социально-трудовую практику населения, проявление социальной памяти, формирование жизненных стратегий и их перспектив. Это своеобразная культурно-психологическая энергетика населения, ее нормальное функционирование эффективнее всех других ресурсов для развития региона, считает экономист В. Иванченко, с чем мы согласны полностью.

В сибирской ментальности как нигде выражена связь с местом жизни, его особенностями, с природой в ее величии и разнообразии. По наблюдениям исследователей в ментальности населения Сибири особенно ярко выражается связь человека с природой, ее различными проявлениями и понимание их для жизни человека, ее мифологизация.

Это связано с тем, что в культуре населения Сибири большое влияние имеют языческие верования коренных жителей. Русский писатель И. С. Соколов-Микитов подчеркивая это утверждал, что язычество включает в себя поклонение матери-природе, ее силам, единство человека и природы, по сравнению с конфессиональными образованиями, например, христианством (11). Известно, что элементы шаманизма стали частью обыденной жизни жителей Сибири, они остались в быту и у аборигенов, несмотря на то, что многие были крещены. Таким образом, языческое благоговейное поклонение матери-природе стало одним из основ менталитета населения. И в настоящее время языческие традиции активно соблюдаются жителями Сибири независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Традиции языческого единства человека с природой, определили специфическое экологическое сознание сибиряков, суть которого заключается в осознании огромной ценности природы, и не отделение себя от нее. Он часть этой природной среды, которая окружает его.

В современных условиях чрезвычайно актуально изучение ментальности населения Сибири по многим причинам. Во-первых, это средство глубокого изучения социально-культурной истории края, дополнение ее антропологически-гуманитарным аспектом, что сделано до сих пор недостаточно. Подобные исследования включают в историю территории духовное содержание, духовное состояние населения, проблемы человека, его ожидания, ценности, сим-

волы и т. д. Это конструирование духовности и предложение к самопознанию, репрезентация общности, что является важной стороной существования общностей и индивидов.

Л. Февр, один из пионеров исследования ментальности, писал, что обращение к ментальности есть фактически изучение «живых людей» с их отношением к природе, к своему дому, семье, к обществу, в котором они живут, т. е. того, чем живет человеческий коллектив и индивид в повседневной жизни, каково его актуальное умозрение. Непонимание регионально-территориальной специфики повседневной духовной жизни людей и тем более попытка разрушения или унификации чреват экономическими, политическими и культурными последствиями. К счастью, как показывает сибирский опыт, ментальное качество устойчиво, оно имеет внутренние скрепляющие факторы. Ни массовая переселенческая политика в последние годы царизма, ни подобная переселенческая политика на «стройки коммунизма», ни постсоветский период, когда забыли про население региона и стали говорить только о ресурсах, ресурсном дополнении к Центру не уничтожили ценности, символы, традиции сибирства, сибирской идентичности, сибирского умонастроения. Например, по данным исследования Н. В. Сверкуновой 77,8 % жителей Приангарья относят себя к сибирякам и считают, что существует сибирский характер, сибирская ментальность и это является основой их достоинства и жизненных ориентиров (12).

Таким образом, исследование духовно-антропологического аспекта такого региона, как Сибирь, есть основа системного представления о ней, раскрытие основных факторов устойчивости региональной жизни, развития экономики в первую очередь. И, в конечном счете, знание и актуализация особой ментальности населения региона есть одна из основ развития гражданского общества, и ее территориальная мобилизация, а также отвержение сложившегося ресурсного взгляда на регион. Сегодня развитие Сибири путают с эксплуатацией ее недр, что является чисто колониалистским подходом. Местное население (сибиряки) не контролирует использование природных ресурсов. При том суровом климате, при разрушенной экономике и малочисленности населения, она не может решать свои проблемы за счет налогов, а во многом за счет контроля за природными ресурсами, как например, сделано на Аляске (Р. Дж. Хикл) т. е. за счет природной ренты.

Во-вторых, обращение к структуре ментальности населения Сибири есть выявление социально-культурной энергетики жителей территории, актуализация их жизненных сил, витальности (С. И. Григорьев), их нравственное возрождение. Без этого трудно идет адаптация населения к новым формам социально-экономических отношений и практикам либерального общества, которые разрушают сложившиеся устои жизни, охранявшие их элементы ментальности.

В сибирском обществе складываются новые социальные отношения, которые разделяют общество на конфликтные группы, усложняются межэтнические отношения. Отчуждение от идеологии «сибирства» не будет способствовать решению социальных, экономических проблем, в том числе и демографических, что и определит необходимость вахтового метода добычи сырья, о чем много говорят в последние годы властные структуры. На разъединение населения влияет происходящее «деление» территории на сферы влияния, что противопоставляет население и оно не может защитить себя, свои интересы. Этому особенно способствует деление административных субъектов на территории богатые и бедные, что уничтожает самодостаточность Сибири. К сожалению, у новой элиты наблюдается экзистенциальная чуждость специфике Сибири, непонимание чаяний, умонастроения и вызовов ее населения. Это особенно проявляется и в СМИ, особенно центральной. Для них Сибирь и проблемы сибирской общности, культуры ее народов неактуальны или находятся вне ценностей современной цивилизации. Поэтому Сибирь с ее населением остается для другой части России экзотической, ресурсной окраиной, а не «реальной кровной и основополагающей частью Рос-

сии» (Н. Михалков). При этом забывается, что сегодняшнее благополучие России определяется этой территорией, ее ресурсами.

В-третьих, актуализация важна в современных условиях глобализации и распространения образа ресурсного региона, что приведет к деструкции структур общественного сознания и идентичности. Это грозит стиранием социально-исторической памяти, ценностных и нравственных ориентаций жизни на этой земле, что приведет к массовой миграции населения, в том числе и коренных сибиряков [13]. Новые вызовы требуют консолидации населения территории, поисков защиты своих ценностей, традиций, норм поведения и социально-исторической памяти.

Таким образом, без обращения к ментальности, без изучения ее содержания невозможен поиск путей адаптации населения к новым условиям, возрождение его витальных сил и формирование территориальной социальной политики, которая чрезвычайно необходима в современных условиях.

Литература

1. Флиер А. Я. Культурология как гуманитарная наука // ОНС, 2005, 31, с. 167.
2. Дюби Жорж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей, 1991, с. 52.
3. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. 1991, с. 24.
4. Гофман Ирвинг. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М. 2000, с. 42.
5. Хикл, Уорлтер Дж. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? М. 2004, с. 306.
6. Пыпин А. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы, Кн. 4-ая, апрель 1899, с. 684.
7. Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4, с. 132.
8. Пыпин А. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы, Кн. 4-ая, апрель 1899, с. 684.
9. Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937, с. 119.
10. Шапов А. П. Там же, с. 129.
11. Соколов-Микитов И. С. Карачаровские записи // Новый мир, 1991, № 12.
12. Сверкунова Н. В. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-сибирская правда, 7 октября, 2000 г.
13. О миграционных настроениях см. Статью П. Чукреева и в настоящем сборнике.

В. Л. Кургuzов

Теоретические аспекты менталитета и смыслополагания бытия

Простая констатация того факта, что бытие человека и его ментальность не ограничиваются горизонтом чисто биологического существования, а осуществляется и проявляется в пространстве, наполненном идеальными значениями, смыслами, нормами, ценностями и т. д., явно недостаточна, поскольку объяснению подлежит сама загадка смыслополагания, процесса продуцирования человеком мира «оживших» предметов, открывающих для него духовное и ментальное измерение бытия. К пониманию же смыслотворческой способности человека нас приближают, прежде всего, результаты исследований отечественных философов, представляющих в 60–70-е годы прошлого века творческое развитие философии марксизма, которые, несмотря на годы забвения, и негативного критицизма не утратили своего значения для сегодняшнего дня. В марксистской концепции только *деятельность* определяет отношение человека к миру и преобразует объективную реальность в «мир человека». Практическое отношение к миру – это универсальная основа всех без исключения жизненных проявлений человека, придающая его культурно-историческому бытию внутреннее единство и целостность. В этом смысле, как справедливо отмечает В. А. Лекторский: «Деятельностный подход в современных условиях не только имеет смысл, но и обладает интересными перспективами». (1)

Значимость ментальных, смыслополагающих начал человеческого бытия становится особо актуальной в периоды социальных кризисов и трансформаций, что так характерно для современной России. Пограничные ситуации социума, как и пограничные ситуации личности, делают неизбежным факт ценностно-смыслового выбора, которым задается и разрешение сложившейся ситуации, и логика последующих исторических обстоятельств. В стабильные исторические эпохи, когда важнейшие компоненты менталитета – убеждения, ценности и идеалы интегрированы в устойчивые социальные связи и институты, сознание индивидов и групп формируются под влиянием морального и рационального контроля со стороны общества. Этот контроль может носить различный характер: от тотального подавления всего, что не совпадает с данной социальной парадигмой, до регламентации лишь основных параметров социальной нормы. В любом случае индивид или группа здесь формируется внутри общества на основе достаточно четкого и позитивного образа социального «*МЫ*». Поэтому контркультурные и другие альтернативные тенденции в таком обществе выражены слабо и не могут принять угрожающего для системы масштаба.

Когда же социум находится в состоянии реформации, перехода от одной общественной и культурной структуры к другой, когда старая конструкция социального «*МЫ*» уже разрушена, а поиск новой еще не завершен, «социальные ценности становятся почти полностью «атомизированными» и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым». (2) Это неизбежно порождает, как отмечал П. Сорокин, борьбу особой интенсивности, которая выливается в различные формы насилия: разгул преступности, усиление жестокости наказания, религиозный и классовый экстремизм, межэтнические и международные вооруженные конфликты. Ценностно-смысловой кризис общества усиливается глубокими экзистенциальными трагедиями, что ведет к увеличению числа душевных болезней и самоубийств.

Все эти драматические явления переходных эпох, с наиболее масштабными и разрушительными последствиями, регулярно становятся определяющими факторами общественной жизни. Отсюда и интерес отечественных мыслителей к пограничным состояниям и крайностям человеческого естества. Причину этих бесконечно повторяющихся драматических обсто-

ятельств исследователи нередко видят в самом принципе развития, характерном для российского общества и государства. Россия традиционно относится к тому типу социума, который развивается через циклы радикальных трансформаций, имеющих целью «догнать» цивилизацию. Именно такая парадигма развития общества перманентно приводит социокультурную систему в экстремальное состояние.

Государство, не имея достаточных ресурсов для очередного рывка в «цивилизованное будущее», требует от индивида предельной мобилизации его личностных сил. Человек оказывается втянутым в масштабные социальные изменения, которые не только разрушают привычный и понятный мир, но и принуждают к радикальной «переоценке ценностей» и даже к девальвации традиционного менталитета. «Времена на изнанку вывернулись» – констатировал безывестный автор «Слова о полку Игореве». Именно в такие времена «черное», вдруг становится «белым» и наоборот. Человек при этом теряет «сущностную самость», как говорил А. Швейцер, ту духовную опору не только на «вне», (например, из-за потери консолидирующего идеала) но и опору на внутренний традиционный менталитет. Это состояние ученые определяют как *рецидивирующая модернизация*. Оно конституируется социумом «после (или во время) серии «неполных» модернизаций, повторяющихся через одно-два поколения и с неизбежно высокой социальной ценой». (3)

Хотел бы подчеркнуть очень важную, на мой взгляд, особенность менталитета – его влияние на все стороны бытия и его смыслополагания и наоборот – влияние всего комплекса смыслополагания бытия на менталитет. В качестве примеров можно привести зависимость российского менталитета, скажем, от терминов и понятий, которые могут сближать, а могут разъединять народы и даже зависимость от времени года. В этом смысле далеко не случайно, например, постоянное внимание русских писателей, поэтов и композиторов к словосочетанию – «Времена года»...

Так, существует утверждение, что никакая цивилизация не может выживать и развиваться на территории, где среднегодовая температура менее пяти градусов по Цельсию. Правда, для России, тем более для Сибири – эта температура несколько занижена, но, тем не менее... Цивилизация же России даже при температуре на порядок ниже циклично выживает. В сущности, это и отличает ее, одну единственную, от всех других государств, существующих в значительно более благоприятных условиях. Это нетрудно проиллюстрировать влиянием зимы, ну, хотя бы на события XX века, ибо зима для менталитета россиян – явление особое, я бы даже сказал в некотором роде сакральное, ибо менталитет россиян скорее зимний, нежели летний. Отсюда значимость исторических событий российской истории.

Вспомним – Январь 1905 года – начало первой русской революции. Декабрьское вооруженное восстание, которое произошло, может быть, не только с голоду, но и с холоду. Буржуазно демократическая революция 1917 года – даже название свое получила – «Февральская». Вполне возможно, что если бы В. И. Ленин не поспешил с Октябрьским переворотом, и провел бы его не в канун зимы, а на месяца два попозже – глядишь и результаты могли бы быть совсем другие. Ну, да, что сделано, то сделано, хотя и вопреки нашей ментальной привычки великие дела – делать в трескучие морозы.

Зимы Великой Отечественной войны. По-зимнему морозным ноябрем остановлены немцы под Москвой. Самая ожесточенная оборона Сталинграда приходится на зиму. Прорыв блокады Ленинграда – в январе 1943 года. И через год, тем же январем, полное ее снятие. Зима последнего года войны – окончательный сокрушительный удар по фашизму. Вот уж воистину, как говорится в старой русской пословице – «что русскому здорово – то немцу – смерть». Из более отдаленных веков подтверждением этой версии являются другие эпохальные события: разгром Александром Невским тевтонских рыцарей произошел не на цветущих лугах, а на льду Чудского озера, отпор польским шляхтичам, ведомым Лжедмитрием на Москву, зна-

менитый Альпийский поход гениального Суворова, в сравнении с другими баталиями, выглядит для русского воинства просто воскресной прогулкой.

Приведу на эту тему одну мысль, высказанную В. Л. Семеновым в статье «Россия непредсказуемая...». Он пишет: «После поражения под Бородино, в союзнничестве с нашими русскими морозами, великий Кутузов разбивает-таки непобедимую армию Наполеона. А ведь как помогли Михаилу Илларионовичу эти самые морозы! Ничье гениальное провидение не могло предугадать ничего подобного! Да, не покажется кощунством, и да не умалит достоинств нашего доблестного войска, но Россию от наполеоновского нашествия и изгнания спасла... *Пуговица!* Та самая пуговица на мундирах и шинелях французов, которые отливались из олова, и на морозе, нашем свирепом, просто рассыпалась в труху. Так, что пешего француза, пожравшего с голодухи своих лошадей (харчей-то ушедшие москвичи не оставили), одной рукой запахивающего свою беззастежную одежду, а другой кое-как отстреливающегося из однозарядного пистолета (вторая-то рука занята, не перезарядить) или отмахивающегося палашом, гнать было одно удовольствие.

Блистательный генерал Скобелев, скатившись как на масленицу по заснеженным склонам Шипки, разбивает турков и освобождает Болгарию от османского ига. Турки «змэрзли», а русским, хоть бы что! Что же их, отморожков, не бить». (4).

Исторический дискурс влияния времен года на наш менталитет можно было бы и продолжить, но и сказанного достаточно, что бы сделать вывод о том, что одно из высказываний московского философа Ю. Борева вполне применимо и для понимания, поднятой нами темы. Нельзя не согласиться с ним в том, что, «культура каждой эпохи выдвигает концепцию мира личности, менталитета, дает формулу бытия человечества. И вся жизнь эпохи определяется этой концепцией-парадигмой...». (5)

Понимание имманентной логики отечественной истории и особенно ее влияния на настоящее и будущее российского социума, требует четкого выделения той категории, которая максимально бы характеризовала социо – культурную специфику России. С моей точки зрения, эта специфика определяется сегодня такими понятиями как «российский менталитет», «российский национальный характер», «ментальные установки российского сознания» и т. д. При этом следует учитывать то, что понятие менталитета варьируется от акцентов на подсознательных и бессознательных феноменах до определения его на уровне культуры народа и культурной идентичности. (6)

Конечно же, анализ такого феномена, как менталитет, следует признать достаточно рискованной теоретической задачей. Во-первых, потому что термин «*менталитет*» интерпретируется столь многозначно, что всегда есть заданная контекстом граница его значения. Во-вторых, сама сфера, определяемая этим термином, содержит принципиально нерационализируемые элементы. Это заранее делает невозможным создание целостной и систематической теории, описывающей данный феномен. Когда-то Р. Декарт благоразумно предостерегал философов от такого познания, полагая, что *ego cogitans* именно потому и воздерживается от изучения «больших» общественных явлений, что они не могут быть полностью рационально редуцируемыми, а значит, и любые построения здесь не будут иметь статуса полной истины. Однако, учитывая, что претензии на полную истину ушли в прошлое вместе с классической философией, современные мыслители стремятся постигать хотя бы ее части.

Поэтому, как мне представляется, рассмотрение феномена менталитета неизбежно должно привести к методологическому компромиссу. А именно к переходу от строго философского его анализа в области пограничные для философии, социологии, психологии, политологии, культурологии, человековедения вообще. Кстати, такой методологический синтез для категории «менталитет» генетически не нов, ибо, если впервые термин «ментальность» встречается у американского философа Р. Эмерсона, то с предельной плодотворностью он разрабатывается французскими *историками* и *социологами* XX века (М. Пруст, Л. Февр,

Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и др). Так что такой синергетический компромисс вполне оправдан в силу интегрированного характера самой сущности менталитета.

В современной социо-гуманитарной теории, например, понимание сущности менталитета, нередко опосредуется факторами *коллективного бессознательного*. В этом случае особая сила ментального основания человека обусловлена имманентной психической привязанностью индивида к родовому началу, к сохранившимся в каждом человеке остаткам многовекового прошлого. В этой привязанности индивид утверждает себя как представитель Рода, обнаруживает общую с другими не случайность и значимость. В самые драматические, психически дискомфортные периоды жизни, индивид нередко именно здесь ищет последнего прибежища для своего «Я», поскольку «эта потребность быть вместе с другими является сильнейшей страстью, более сильной, чем секс, а часто даже более сильной, чем желание жить». (7) Однако, пряча свое «Я» в родовом «МЫ», человек утрачивает индивидуальность, становится «одним из...». Более того, «общественная психология не может обойтись без *заражения я, внушения* и особенно *подражания*, ибо без них попросту невозможны массовые организации, государство и общественный порядок; ведь не закон создает общественный порядок, а подражание, в понятие которого входят также внушаемость, суггестивность и духовное заражение». (8) Важно подчеркнуть то, что, по моему глубокому убеждению, без заражения, внушения и подражания ни о каком менталитете народов и говорить не приходится. Их органическая связь с ним – очевидна, как в качестве формализующих категорий, так и в функциональном аспекте проявления ментальности.

Как известно, уже в трудах Габриеля де Тарда (1843–1904 г.) многогранно обосновано значение этих трех типов психических взаимодействий людей. Например, Тард считал, что психическое заражение состоит в часто неосознанном повторении действий в человеческом коллективе. Это качество способствует овладению людьми каких-либо внешне обусловленных психических состояний (страха, ненависти, любви и т. д., которые, в свою очередь, характеризуют ту или иную ментальность). Внушение – это самые различные формы внедрения в сознание людей определенных положений, правил, норм, регулирующих поведение людей в обществе и культуре. Отдельные, если не все, черты менталитета – есть своеобразный продукт внушения. Подражание (или имитационная деятельность) состоит в воспроизведении, копировании культурных стереотипов. Его значение в процессе овладения культурой, формировании ментальности просто огромно, особенно в детстве. Подражание – это основа обучения и возможность передачи культурных традиций из поколения в поколение. Однако следует иметь в виду, что все эти три характерные черты в культурной деятельности – заражение, внушение и подражание – реально действуют только сообща, обеспечивая тем самым регуляцию между членами этнокультурной общности. Убежден, что и в качестве плодов какого-либо конкретного менталитета они представляют собой устойчивую синергию.

Действительно, есть две интенции, которые не требуют от человека никаких гносеологических усилий. Это – «Я единственный» и «Я один и з...». Обладая самоочевидной достоверностью, каждая из них задает соответствующую цепь смыслообразований бытия. «Я» утверждает самооценку и суверенность отдельного человека, упорядочивает действительность вокруг индивида как центральной точки мира. «МЫ», напротив, неотвратимо фиксирует условность его автономии и свободы, указывает на бытийную неполноценность обособленного *эго*. Индивид же в спонтанном повседневном опыте бытия интуитивно выстраивает свои смыслы то от «Я», то от «МЫ», создавая живой поток значений своего жизненного мира. По сути, как писал В. С. Соловьев, «человек изначально является как существо лично-общественное, и вся история есть лишь постепенное углубление, возвышение и расширение двусторонней, лично-общественной жизни». (9) Человеческое *Эго* имманентно устремлено к встрече с миром и может быть объективно осуществлено только в этой встрече. Не случайно Лев Шестов по поводу одного эгоцентричного высказывания Ф. Ницше заметил: «Он думал,

что точно написал книгу для себя – но он ошибся. Нельзя написать книгу для себя. Даже дневник нельзя для себя написать». (10)

Согласно В. С. Соловьеву временным моментом лично-общественной жизни в их историческом развитии соответствуют «три главные ступени: родовая (прошедшее), национально-государственная (настоящее), вселенская (будущее)». (11) Следуя предложенной В. С. Соловьевым схеме лично-общественной жизни, можно предположить, что менталитет, понимаемый как совокупность первичных интенций самосознания, обладает временной структурой, где общие предания, деяния и идеалы выступают в качестве гносеологических процедур, организующих первичный опыт мира. Причем в прошлом этот опыт задавался преимущественно интересами рода, в настоящем преобладает национально-государственный интерес, а будущее за приоритетом вселенских общечеловеческих интересов.

В контексте современности следует признать, что В. С. Соловьев был весьма дальновидным мыслителем. Сегодня, когда массовое сознание интернационализируется, а экономические и политические интересы народов интегрируются, процесс формирования глобальных (вселенских) элементов менталитета вполне реален. Возможно, в конечном счете, это приведет и к безусловности духовных приоритетов.

Собственно, как полагал Соловьев, вне зависимости от времени общие стремления чувства и духа не подавляют личность, не отчуждают ее, а порождают лично-общественную солидарность. По справедливой мысли О. А. Семеновой: «Общие предания, общие деяния и общие идеалы, опосредованные разумно-нравственным опытом, задают то единство личности и общества, в котором человек свободно, по своей личной воле выполняет «общее дело». (12)

Таким образом, русская философия стремится не допустить господства бессознательных начал в человеке, поскольку признание бессилия личности перед стихией инстинктов позволяет вывести ее из-под ответственности за свои помыслы и действия. С другой стороны, представляется опасной и холодная рациональность с ее формально-логической обезличенностью. Поэтому в русской философии высшей законодательной силой наделяется нравственный закон, который призван ограничить и волю, и разум, если они переступают его границу. Однако власть нравственного закона оказывается всегда под сомнением, когда вопрос переводится в плоскость социально-психологического и утилитарно-практического бытия. Общие представления и идеалы вовсе не обязательно имеют нравственное содержание, и «общее дело» может преследовать далеко не нравственные цели и совершаться безнравственными средствами.

Попутно следует подчеркнуть, что меня уже давно смущает попытка философов всех времен и народов придать базисным категориям философии – *справедливости, красоте и истине* некий универсальный и беспорочный смысл. Разве справедливость (мораль) обязательна истина и прекрасна? Разве красота (эстетика) обязательно истина и справедлива? И, разве истина, как продукт позитивных знаний всегда прекрасна и справедлива? Наоборот, она не обязательно прекрасна и нередко несправедлива.

В формировании смысловых и поведенческих установок, согласно исследованиям Л. Я. Гозмана и Е. Б. Шестопала, задействованы три подсистемы менталитета: *когнитивная*, которая фиксирует предварительную спонтанную информацию, тем самым проецируя интересы; *эмоциональная*, которая дает первичное различение объектов по схеме «нравится – не нравится», «приятно – не приятно» и, наконец, *поведенческая* подсистема, которая побуждает людей к действию, формирует уровень их готовности. (13).

К. Юнг в результате исследования взаимосвязи психических и смысловых элементов коллективного сознания формирует понятие архетипа, как наиболее устойчивого психологического комплекса закрепленного в символических формах и образующего ту предзаданность чувств, мыслей и поведения, которые передается от поколения к поколению.

Сегодня всем совершенно ясно, что архетипы «не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения». (14)

В связи с этим, например, магическая сила пробужденного родового инстинкта, выраженного в коллективном бессознательном, очень точно иллюстрируется Э. Фроммом. Если, рассуждает Фромм, кто-то говорит людям: «Я и моя семья – самые замечательные люди на земле, только мы одни чисты, интеллигентны, добры и порядочны, все остальные – грязны, глупы, бесчестны...», (15) то автора таких высказываний сочтут грубияном или сумасшедшим. Но если же оратор, выступая на массовом собрании, поставит вместо слов «Я и моя семья» такое слово, как «народ» (раса, религия, политическая партия), то многие будут славить его за патриотизм и восхищаться». (16).

При изучении проблемы ментального смыслополагания очень важно учитывать мнения Г. Блумера, который, в контексте теории символического интеракционизма считал ключом к пониманию коллективного поведения, особенно в кризисные периоды, явления «круговой реакции», когда «при коллективном возбуждении индивиды могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли». (17). Иными словами все, даже сугубо гуманистические смыслы, утверждающие свободу и ценность личности, оказываются нередко бессильными перед натиском стадных инстинктов. Охваченная этим инстинктом масса «в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету». (18). Более того, как писал Э. Фромм, «она хочет, чтобы ей владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина». (18). Вполне созвучны этим суждениям известные строки русского классика: «Люди холопского звания – сущие псы иногда: чем тяжелей наказания, тем им милей господа».

Можно найти бесконечное число исторических примеров, когда масса возводила на пьедестал злодеев и, упиваясь культом тирана, ведомая архетипом Героя, готова была платить за его торжество своей жизнью. Однако найдется и немало случаев, когда масса вызывала к справедливости, рушила тирании и тоталитарные режимы, отстаивала свободу и достоинство человека.

Итак, в психической структуре менталитета можно различать «коллективное бессознательное» как стихию родовых инстинктов и архетип как более устойчивую систему психических комплексов, детерминирующую типические схемы непосредственного восприятия и поведенческой реакции. Исходя из всего вышесказанного, сделаем вывод о том, что *менталитет – это не застывший конструкт субъективного мира, а развивающийся вместе с социумом и ориентирующийся на него феномен Культуры*. Поэтому мы и не можем всецело возлагать на менталитет решающей меры ответственности за сегодняшнее состояние российского общества.

Размышляя о менталитете и смыслополагании бытия особенно в полиэтническом разноцветии народов Сибири совершенно нельзя избежать одного дискурса, без которого само понятие менталитета как бы повисает в воздухе. Дело в том, что, с одной стороны, понятие «мой менталитет» не может возникнуть без понятия «наш менталитет», а с другой стороны – понятие «наш менталитет» теряет всякий смысл без понятия «не наш менталитет». Это также верно, когда понятие «ночь» теряет свой смысл без понятия «день», понятие тепло» без понятия «холодно, понятие «добро» без понятия «зло и т. д.

При этом симптоматично, что разговоры и размышления о «других», как давно установлено, гораздо больше сообщают о «нас», нежели о «них», являясь, по существу, проекцией коллективного «Я» на непознанное социальное окружение. Нас повседневно окружают разнообразные «иные», однако их инаковость не существует сама по себе; она является для нас, в полном соответствии с психологией проекции, каждый раз завися от нашего автостереотипа и высвечивая наши собственные ценности и предрассудки. Мы проецируем на «соседей» все те

черты (как отрицательные, так и положительные), которые есть у нас, но нами, по тем или иным причинам отвергаемые. Сама инаковость всякий раз, возникая и тематизируясь заново и тем самым фиксируя этапы становления, распада коллективного **Я**, тем не менее, остается неуловимо прежней, что не только отражает стабильность коллективного **Я-образа**, но и одновременно делает этот образ более устойчивым.

Среди исследователей современного общества широко распространено мнение, что коллективное **«Я»** (аналогично индивидуальному) скрепляется и живет за счет стабилизирующей силы: в частном отношении – биографии, а в социальном – истории данного сообщества. Однако существует и еще одно, параллельное повествование, не менее важное для воспроизводства и развития коллективного **«Я»**, – это повествование о Других. Рискну утверждать, что **«Другие»** – это всего лишь наши собственные фантазии о нашем же «ином», получившие случайных референтов в реальности. Однако рассмотрение этих фантомов позволяет многое узнать о неизведанных ипостасях нашего собственного коллективного **«Я»**, тех его будущих воплощениях и сегодняшних недугах, о которых мы лишь подозреваем в обыденном состоянии нашего сознания.

В истории российской науки и государства существовало множество подходов к осмыслению положения иноязычного и иноверческого населения окраин России, чем, собственно говоря, и являлась огромная по масштабам территория Сибири, что отразилось в документах администрации, научных трудах и публицистике. Многообразие подходов нашло свое выражение и в системе терминов, используемых для описания положения этих категорий населения. С другой стороны, исторически сложившиеся способы мышления и речевые клише по поводу так называемого «коренного населения» продолжают влиять не только на современное словоупотребление, не только на то, как размышляют о проблемах этого населения наши политики, законодатели ученые и простые обыватели, но и на ценностные основания и характеристики и самого менталитета.

Иными словами, специфику отечественного взгляда на положение «малочисленных народов» Сибири, например, порождают не только особенности эволюции ментальных и социальных представлений, но и чисто лингвистические факторы – присущая русскому языку особая образность, находящая выражение в необычных для многих европейских языков метафорах, аналогиях и т. п. На этой исторической и языковой специфике есть необходимость остановиться более подробно, ибо на мой менталитет – русского-сибиряка, родившегося и выросшего в Забайкалье, безусловно, влиял и влияет менталитет «Других», который в небольшой степени клиширован моим сознанием отдельными понятиями и словосочетаниями.

В связи с этим, меня интересует какое-то не совсем внятно – объяснимое, с моей точки зрения, понятие, выражаемое словами – «коренной народ». Однако поскольку на его современные трактовки в законодательстве, социальных науках и политической практике влияют представления, истоки которых лежат в истории государства и общества, то потребуется анализ и некоторых ассоциированных с этим понятием терминов и понятий типа «туземцы», «иностранцы», «иноверцы», «национальные меньшинства», («нацмены»), «титутельная нация» и т. д.

Ментальные и смыслополагающие представления о населении сибирских и дальневосточных окраин России органично связаны с экспансией российского государства и освоением вновь приобретенных территорий. На более глубоком понятийном уровне сами представления о расширении государства и так называемом «освоении» укоренены в воззрениях на пространство и время, место России в мире и в связанных с этим взглядами концепциями предназначения судьбы, власти и т. п. Все эти представления не могли не отразиться на используемой терминологии, которая, в определенном смысле, стала играть роль своеобразной ментальной матрицы во взглядах русских-сибиряков на представителей аборигенного населения этого огромного края. Начну с термина «туземцы».

Термин «*туземцы*» вместе с термином «инородцы» использовался уже на самом раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера. Для владеющих русским языком семантика этого термина оказалась очевидной: туземцы – «это население *«тех земель*». В словаре В. И. Даля этот термин определяется как «здесьний, тамошний урожененец, природный житель страны, о коей речь». (19). Вместе с тем, сама статья «Земля» содержит термины «земец» («земле-владелец, у кого своя земля; кто пашет на себя, хотя и не свою землю; земский обыватель, отбывающий повинности»), а также термины «единоземец», «одноземец», приводимые в качестве синонимов к словам «земляк» и «землячка» («рожденный в одном с кем-либо государстве, области, местности». (20). Само слово «земля», помимо прочих значений, имеет согласно В. И. Далю, значения «страна», народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область, край, округ». (21).

Вытекающее их словарных материалов противопоставление «туземцев» должно быть дополнено противопоставлением «иноземцам» и «чужеземцам». Единоземцы объединены отношением землячества, в то время как чужеземцы совсем не обязательно состоят в отношении землячества друг к другу, но могут быть уроженцами различных государств, и составляют категорию пришлых в государстве российском. Русской ментальностью в отличие от иноземцев туземцы Сибири не рассматривались ни как пришлый элемент, ни как безусловные граждане государства. В большей степени они рассматривались как граждане весьма необычного толка. Туземцы в качестве населения «тех земель» оказались просто включенными в государство точно в такой же мере, в которой «те земли оказались включенными, присоединенными и освоенными российским государством.

Специалистам по истории Российской империи, вообще, и имперской идеи, в частности, хорошо знакомо утверждение, что в отличие от колониальных держав Запада российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих», а термин «туземцы», как раз и фиксирует одну из ранних стадий этого процесса. В характеристике менталитета народов Сибири это обстоятельство закрепилось и до сегодняшнего дня. Например, даже в бытовом общении сегодня можно услышать: «Это наш бурят», т. е. – российский, сибирский, а не бурят, скажем, из внутренней Монголии Китая.

Термин «туземцы» не только является частью семантического поля, охватывающего едино-, со-, одно-, и, таким образом, частью одной из классификаций категорий населения. Наличие в нем в качестве семантической основы корня «-зем-» позволяет нам усматривать в его значении и отражение существующей иерархии земель. Границы между «этими» (нашими, освоенными) землями и «теми» (периферийными и еще только осваиваемыми)

Землями пролегли не столько в физико-географическом пространстве, сколько в области так называемой символической и сакральной географии (сибиряки, например, до сих пор говорят «в России», подразумевая лишь ее европейскую, часть) в народных представлениях «о Руси и ее пределах» и менялась вместе с этими представлениями и степенью «природнения» сибирских земель. Впрочем, в отношении туземцев Сибири, граница была довольно стабильной – ее роль исполнял Урал; «те земли» начинались «за Камнем», несмотря на то, что между ними и землями, заселенными русскими, простирался обширный Волго-Уральский регион, «не замиренный» вплоть до середины XVIII века.

Примечательно, что термин «туземцы» на протяжении XVI – XVIII веков в официальных документах российского правительства и местной администрации употреблялся преимущественно только по отношению к сибирским иногородцам. Народы Поволжья и Приуралья именовались либо конкретно – татарове, черемисы, башкирцы, вотяки и т. д., либо по сословиям и вере – тептяри, магометане, иноверные и д.д. Не употреблялся термин «туземцы», по крайней мере, в языке официальных актов, и по отношению к Малороссии, Прибалтики и Кавказа, где его заменяли наименования сословных групп – казачество, посполство, шляхетство, или –

малороссияне, лифляндцы, грузины и т. д. По окраинам России, там, где российские владения соприкасались с землями других государственных образований (например, в Южной Сибири – с владениями Алтын-ханов и Джунгарией), термин «туземцы» замещался выражением «ясачные иноземцы».

Обсуждение значения термина «туземцы» его влияния на формирование ментальных качеств не только русских-сибиряков, но и русских вообще осталось бы существенно не полным, если не упомянуть о романтизации и экзотизации его содержания, происшедших в России в XVIII веке и связанных отчасти с распространением концепции «благородного дикаря» А. Тюрго и Ж. Ж. Руссо, а отчасти и усвоения идей Просвещения. Образ Дерсу Узала, нарисованный, например, В. К. Арсеньевым в начале XX века, даже сегодняшнего читателя поражает своей поэтикой и романтизмом.

К характеристике особенностей менталитета русских-сибиряков по отношению к представителям этносов Сибири имеет отношение и другой термин – «*инородцы*». Этот термин в административной практике досоветской России, пожалуй, шире и чаще, чем любой другой, включая «туземцев». Он зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке) XXI – XIX веков, к наиболее известным среди которых относится Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 года. Им в это время пользуются и авторы многочисленных социологических и других научных работ. Например, В. И. Ленин в своих работах по национальному вопросу 1913–1916 гг. практически пользуется только этим термином, указывая, в частности на то, что если население России состоит из 59 процентов «инородцев», то национальный вопрос в России изначально решен не в пользу большинства ее населения.

Анализ использования этого термина позволяет отметить две особенности, которые не могли не сказаться и на частичном изменении ментальных характеристик. Первая связана с тем, что инородцам запрещалось самовольно переходить из волости в волость, что, по мнению некоторых исследователей, (например, А. Ю. Конева) объяснялось не стремлением законсервировать патриархально-родовые отношения, а невозможностью иным образом обозначить условные границы окладных объединений без проведения обширных и дорогостоящих межвых работ. (22).

Второе наблюдение касается практически полного исчезновения этого термина после революции. На первых порах его успешно заменил термин «туземцы»: вместо инородных Управ возникли Тузсоветы и ТузРИКи, а документы новой власти, касающиеся коренного населения, были полны выражений типа «туземные племена» или «туземцы Севера». Едва ли не последней публикацией с «инородческой» терминологией стала работа И. Серебренникова – «Инородческий вопрос в Сибири», вышедшей в Иркутске в 1917 году. В последующих научных трудах «туземцы» решительно потеснили «инородцев» Одной из причин этого процесса, на мой взгляд, могло стать несоответствие этого термина официальной доктрине интернационализма, сделавшее этот термин «политически некорректным».

Впрочем, сегодня, как справедливо подчеркивает С. В. Соколовский, «... уже, кажется, невозможно реконструировать множество коннотаций, сопутствующих этому термину на разных отрезках его истории, поскольку речь идет о такой тонкой материи, как восприятие слова людьми разного социального положения, взглядов и политических симпатий». (23). Отмечу лишь то, что значение этого термина по В. И. Далю – «уроженец другого, чужого племени или народа». (24). С другой стороны, это слово, на мой взгляд, изобличает этноцентризм разделения населения страны на соплеменников и иноплеменников, что также не могло не сказаться на судьбе этого термина в советский период. Во всяком случае, я, родившийся и проживший в Сибири более шести десятков лет, такого термина даже в бытийных ситуациях не слышал, а посему, рефлексировав сам себя, смею утверждать, что в моей, например, ментальности отсутствуют «инородческие» коннотации. И, хотя этот термин сегодня вновь возникает из небы-

тия на страницах печати как часть словаря правых националистов ментальных его перспектив в Сибири, как мне представляется, у него нет.

В наши дни оба термина и «туземцы», и «инородцы» практически забыты. С. А. Степанов, автор предисловия к переизданной монографии В. Л. Серошевского «Якуты» пишет: «Современному читателю сразу бросается в глаза архаичная терминология... Режут слух выражения «инородцы» и «туземцы», хотя следует оговориться, что в то время данные термины являлись общеупотребимыми и не имели обидного оттенка». (25)

Сегодня в содержании менталитета сибиряков не следует, как мне кажется, преувеличивать и значение термина «*иноверцы*», ибо длительный советский период советской власти, до известной степени «уравнявший» различные конфессиональные сообщества в бесправии перед лицом атеистического государства, в сущности, свел употребление этого термина на нет.

У В. И. Даля слово «иноверие» определяется как «учение и обряды другого, не господствующего где-либо исповедания, веры, а «иноверец» как тот, «кто исповедает иную, различную с кем, или не господствующую в государстве веру». Отмеченная В. Далем тема господства важна, так как позволяет заметить, что коренное население царской России находилось лишь у «подножья» власти и являлось своего рода нулевой точкой отсчета не только в классификации народов и земель, но и в классификации конфессий. Переход же в православие и крещение, например, хакасов, якутов, бурят, эвенков, камчадалов и пр. работали в качестве «социального лифта», открывающего «новокрещенным иноверцам» (в особенности их детям) перспективы для экономического и социального роста.

Менталитета и смыслополагания всей жизнедеятельности русского населения Сибири не могло не коснуться словосочетание «*коренные народы*». О лексическом значении слова «коренной» можно было бы и не говорить, настолько оно понятно всем владеющим русским языком. Стоит лишь отметить отсутствие метафорического употребления «корню» в западно-европейских языках и значительно большее развитие «растительной метафорики» в языках тюркских.

Политика огосударствления всех аспектов жизни так называемых коренных народов была активно продолжена после октября 1917 года, однако новой власти было жизненно необходимо обозначить разрыв в преемственности с прежней, на первых порах хотя бы с помощью символических средств. Лозунги разрушения старого мира «до основания», применимый и к средствам выражения, и к мыслительным, и к ментальным стереотипам, был одновременно утопическим, парадоксальным и практически опасным. Изобретая новые, порой непродуманные, словосочетания власть рисковала утратить связь со своей «аудиторией». Придумать язык, одновременно понятный народу и новый, рвущий нити привычных ассоциаций и связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно. Эта двуединая задача была решена с помощью сочетания партийного жаргона с тщательно отобранными по принципу идеологического соответствия старыми терминами. Из сложившейся терминосистемы было выброшено слово «инородец», и практически перестали употребляться термины «иноверец» и «ясачный». Из старых слов были оставлены лишь «туземец» и «племя».

Период с 1924 по 1932 год стал пиком термино- и законотворчества, когда свет увидели более 50 нормативных документов, содержащих около 20 терминов для обозначения коренных народов. Среди них: «туземцы», «малые народности», «тузрик», «тузсовет», «кочсовет», «тузрайон», «нацменьшинства», «нацменовский сельсовет» и др. Само слово «коренной», впрочем, было использовано лишь однажды – в постановлении ВЦИК от 21 декабря 1931 года, в котором наряду с выражением «коренные народности Севера» и «коренное население Дальнего Севера, Сахалина и Камчатки» употреблялось также словосочетания «туземные народы Севера» и «национальные меньшинства».

Здесь уместно упомянуть историю термина «нацмены», превратившегося из нейтрального обозначения представителей национальных меньшинств, в слово с отчетливой, оскор-

бительной окраской. К проявлениям этой оптики следует отнести и устойчиво воспроизводящееся определение народов как «малых», или «малочисленных», неоднократно и пока безуспешно подвергавшееся критике. Вот как, например, обосновывает его использование в своей яркой работе А. В. Головнев: «...в досоветское время, коренное население в научной, просветительской, художественной литературе именовалось туземцами. Позднее в научной литературе стало, почему-то неловко употреблять это название и его заменили синонимичными, но не слишком благозвучными для русского языка словами «абориген», «автохтон» и т. д. Между тем понятие «туземец» (житель данной земли) по звучанию и значению... имеет право быть возвращенным в научный обиход». (26)

Что касается моего личного смыслополагания термина **«нацмены»**, то я его считаю крайне не корректным. Еще с детства я слышал это слово из уст не только русских, но и других представителей славянских сибиряков и, почему-то оно всегда носило какой-то унижительный, и даже оскорбительный оттенок превосходства по отношению к этносам Сибири. Между тем, в культурологии, начиная от К. Леви-Стросса не принято, например, называть культуры «малыми» или «большими», «значительными» или «незначительными». Все культуры равноценны по своей сущности, и потеря даже одной из них губительна для целостной культуры человечества. По аналогии можно сказать, что нет и «малых», или, не дай бог – «малозначимых народов».

Совершенно противоречивым и недоказуемым остается смысл термина **«коренные народы»**. Действительно, кого считать «коренным народом»? В связи с этим приведу один пример из собственной практики.

Как-то в разгар перестройки, когда национальное самосознание практически всех народов СССР достигло своего апогея, пришлось мне участвовать в дискуссии на эту тему на местном телевидении с одним ученым – бурятом по национальности. На мой вопрос – могу ли я считать себя коренным жителем Бурятии, если я родился в этих краях и прожил здесь большую часть жизни – он ответил «Нет». Вы пришлый, а не коренной». «А, буряты, возразил я, не пришлые? Разве бурятские племена не пришли в свое время на забайкальские земли из монгольских степей? Для того чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать научные книги о происхождении бурятской нации. Вся и разница в том, что Вы пришли раньше, чем мои предки». Подумав немного, он ответил: «Вот именно, мы пришли раньше русских на эти территории. Поэтому мы и есть – коренной народ».

На мои возражения относительно того, а, сколько же нужно времени, что бы стать коренным народом вразумительного ответа я не получил, хотя, прямо скажем, вопрос этот интересный. Например, болгарские и славянские племена пришли на Волгу на два-три века раньше, чем татары и башкиры, но не их потомки сегодня в их республиках зовутся коренным населением. Почему? Стало быть, фактор времени здесь не является определяющим. Я сомневаюсь, что англосаксы в Северной Америке, например, не причисляют себя к коренным народам, наряду с индейцами или потомками инков, майя, алеутами и т. д. В конце концов, мой собеседник сделал совсем уж парадоксальный вывод: «Коренной народ – это тот народ, название которого дало имя национальной республике». На мое замечание о том, что в России есть республика Дагестан, а национальности дагестанец – нет; есть лакцы, есть долгане, есть аварцы, а дагестанцев нет, – мой собеседник ничем, по существу, возразить не смог.

Вот к каким смыслополагаемым выводам может привести применение надуманных, теоретически не осмысленных терминов, употребление которых детерминирует возникновение весьма серьезных проблем. Вот пограничный случай из сегодняшней действительности. В наши дни в Эстонии и Латвии употребление слова «коренной» противопоставляется так называемым «оккупантам», «титальной нации», т. е. русскоязычному населению. Конституция Украины тоже содержит термин «коренные народы», однако там нет ни одного документа с толкованием этого понятия и разъяснением его содержания, что само по себе создает предпо-

сылки трактовать этот термин, исходя из политической конъюнктуры. Не случайно, на Украине сегодня столь распространены слова с явно расистским душком – «москальи», «кацапы» и т. д.

Сегодня на Украине (особенно в западных ее областях) не в чести имя гетмана Богдана Хмельницкого, в чести имя другого гетмана – Мазепы и прочих гетманов скоропадских.

Противоречивость термина «коренные народы» дает возможность не считаться даже с тем, что была такая Киевская Русь, что, населяли ее росичи, которых так обстоятельно описал еще древнегреческий историк Геродот. Впрочем, этот термин – палка о двух концах, ибо исходя из его смысла он теоретически позволяет вернуться к древнерусским названиям городов Прибалтики, ибо, как не крути, а название Ревель – «кореннее» названия – Талин, а город Юрьев – «кореннее» названия Тарту. По аналогии и город Вильнюс – следует тогда называть Вильно и т. д.

Шестидесятилетнее табу на употребление термина «коренные народы» и замена его выражением «малые», или «малочисленные народы» – неслучайно. Оно объяснялось официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в соответствии с которой использование выражения «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет. (27).

К сожалению, терминологический хаос в определении этнических сообществ не прекращается и до сих пор. Естественно, что этот хаос находит свое отражение и в ментальных матрицах нашего сознания. Недавно появилось еще одно клише – «*титульная нация*». Почему одни народы стали называть «титульными», почему другие не удостоены такого звания – не понятно. В соответствии с современной версией «Толкового словаря» В. И. Даля *титул* – это почетное звание. Кто может мне объяснить, почему тувинец, живущий в Кызыле, будет именоваться представителем «почетной» нации, а, проживающие там же несколько поколений бурят, татарин, или якут и, уж, тем более русский – «не почетными»? Между тем, в мировой антропологической, этнографической и культурологической литературе давно уже утвердился вполне научный термин – «аборигены», однако у нас он никак не приживается. Почему – не знаю. Загадка менталитета. По аналогии – не приживается же у нас вполне приличные, русские слова в обращении к мужчине или женщине: «сударыня» или «сударь». А в результате ко всем продавщицам, например, в наших магазинах независимо от возраста обращаются со словом – «девушка».

Подведем итоги рассмотрения понятий, связанных с обозначением коренных народов. Вскрытая топология смыслополагания и мышления о коренных народах остается неполной, однако все же позволяет реконструировать «портрет» этих народов, очевидно восходящий к архетипу «абсолютного Другого». Что значит быть абсолютно другим в клишировано-ментальном сознании типичного индустриального центра России? Это значит быть уроженцем и жителем периферии, сельским жителем, носителем другого (т. е. не русского) языка, последователем иной (не православной) веры, человеком с иными ценностями и образом жизни, представителем другой расы, культуры, с не типичной для горожанина потребностями и запросами. Как видим, этот «портрет» полностью дихотомичен и выстроен в негативных терминах (терминах отсутствия).

При всем многообразии групп, относимых сегодня к коренному населению, их объединяет неприятие ценностей индустриальной цивилизации и нежелание примириться с результатами европейской цивилизации, столь упорно навязывающей им образ антиподов, либо принуждающих их стать неотделимой (и не отличимой от других частей) частью «нас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.